

УДК 913

Суворин Р.В.¹

**ПРИРОДНЫЕ СТИХИИ И БЫТ КРЕПОСТНЫХ КРЕСТЬЯН
ТАМБОВСКОЙ ГУБЕРНИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.²**

Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина

Suvorin R.V.

**NATURAL ELEMENTS AND EVERYDAY LIFE OF PEASANTS IN
TAMBOV PROVINCE IN THE FIRST HALF OF THE NINETEENTH
CENTURY**

Tambov state University named after G. R. Derzhavin

Реферат. Рассматривается влияние природных стихий на быт крепостных крестьян Тамбовской губернии в первой половине XIX в. Проанализированы работы историков о роли природных стихий в жизни аграрного общества в первой половине XIX века. Выявлено, что в неурожайные годы существование крестьян становилось безотрадным и жалким. За весь рассматриваемый период продовольственные кризисы и эпидемии обычно принимали катастрофические масштабы. Приведены примеры попыток жесткой регламентации повседневного быта жителей в момент эпидемических заболеваний. Описаны изменения в обстановке крестьянских жилищ. Доказано что, неожиданные неурожай и эпидемии, полностью разрушавшие привычный образ жизни крестьян, обрушивались лишь спорадически, бытовая неустроенность и антисанитария, оказывали большее влияние на повседневную жизнь аграрного общества.

Ключевые слова: урожай, климат, неурожай, питание, эпидемия.

Abstract. The influence of natural elements in the life of the serfs of the Tambov province in the first half of the XIX century. We analyzed the work of historians on the role of natural elements in the life of an agrarian society in the first half of the XIX century. It was revealed that

¹ Суворин Руслан Валерьевич — аспирант Тамбовского государственного ун-та им. Г.Р. Державина.

² Материалы научной конференции «Культура и быт русской провинции второй половины XVIII в. — первой половины XIX в. на примере Тульской губернии». г. Тула, 30 мая 2015 г.

in lean years of the peasants became bleak and miserable. Over the entire period under review food crises and epidemics usually take catastrophic proportions. Examples of attempts to strict regulation of everyday life of residents at the time of epidemic diseases. We describe the changes in the situation of peasant dwellings. It is proved that unexpected crop failures and epidemics, are completely destroyed their way of life of the peasants, hit by only sporadically, poor living conditions and poor sanitation have a greater impact on the daily lives of agrarian society.

Keywords: harvest, climate, crop failures, food, epidemic.

Долгое время в отечественной исторической науке господствовало мнение о тяжелом материальном положении крепостных крестьян России, сформировавшееся под влиянием народнической историографии. В советское время власти буквально требовали от историков иллюстрирования процесса загнивания крепостного права, особенно постоянного ухудшения условий жизни крепостного крестьянства. Только в современных условиях появился шанс непредвзято взглянуть на крестьянскую историю.

Постсоветский период ознаменовался началом пересмотра прежних концепций истории, в том числе и крестьянской.

В книге Л.В. Милова «Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса», по сути, представлена новая концепция социально-экономической истории российской деревни, в соответствии с которой жизнь русского земледельца в наибольшей мере зависела не от его положения в обществе, а от природно-климатических факторов [3].

В 2010 г. вышла книга Б.Н. Миронова «Благосостояние населения и революции в имперской России: XVIII — начало XX века», в которой автор затронул вопросы питания разных слоев населения в XIX—XX вв., в т.ч. и крепостного крестьянства. Историк пишет о сравнительно высоком уровне питания крестьян еще в дореформенный период и его неуклонном росте во второй половине XIX — начале XX вв. [4]. Вокруг книги развернулась бурная дискуссия, но и Б.Н. Миронов, и его оппоненты мало затрагивали вопрос о степени зависимости повседневной крестьянской жизни от природных стихий.

Между тем, еще в 1993 г. в России вышла монография американского историка С.Л. Хока, в которой он на основе материалов села Петровское Тамбовской губернии — центра Петровского имения Гагариных — размышляет о крепостном праве и социальном контроле в России. В противовес И.Д. Ковальченко, он считает, что крестьяне этого села степной зоны по ряду показателей жили лучше, чем их современные собратья в европей-

ских странах, в частности во Франции. Но при этом постоянно подчеркивается, что такой относительно высокий уровень пропитания в тамбовском регионе имел место только в урожайные годы, а неурожайные годы были настоящим бедствием [7].

Ю.Ю. Коньшина в диссертации, основанной на десятках описей дворянских имений, показала, что материальное положение крепостных крестьян Тамбовской губернии в первой половине XIX в., особенно запасы зерна и поголовье скота, существенно разнилось. Будучи в целом (по российским меркам) высоким, оно существенно зависело не только от природно-климатических условий, но и накопления ресурсов для выживания в кризисные годы [11].

Существенно влиял на качество питания урожай. После неурожая питание становилось скудным как по меню, так и по количеству пищи. «В неурожайный год многие круглый год питаются одними овсяными блинами», — сообщал корреспондент из Ярославской губернии. В Вологодской губернии ели головки клевера, лебеду, крапиву, белый болотный мох, вместо хлеба пекли головки полевого хвоща, льна, употребляли даже березовые опилки¹. Поскольку в XVIII — первой половине XIX в. наблюдались сильные колебания урожаев, то столь же сильно изменялось и потребление.

Исследовательница крестьянской реформы 1861 г. К.Ф. Максимова подчеркивала, что питание крестьян Кирсановского уезда было скудным. Основной продукт питания — ржаной хлеб, который в неурожайные годы пекли с лебедой [9, с. 235, 253].

С. Хок рассчитал наделы, долю посевов тех или иных культур, их урожайность, и пришел к выводу, что одно тягло могло прокормить 9,3 человека, не прибегая к овсу [8]. Он считал, что потребление крепостных землепашцев было сопоставимым, если не сказать даже несколько чрезмерным. За исключением отдельных лет сельскохозяйственных кризисов, крестьяне с. Петровское в итоге питались лучше, чем их французские или бельгийские собратья на рубеже XVIII и XIX вв., и, разумеется, лучше, чем большинство населения сегодняшних развивающихся стран.

Однако, как особо подчеркивает С. Хок, в неурожайные годы существование крестьян становилось безотрадным и жалким. В Петровском за весь рассматриваемый период продовольственные кризисы и эпидемии обычно принимали катастрофические масштабы [7].

В урожайные годы остававшегося у крестьян зерна еще хватало на пропитание, но в неурожайные годы наступал голод. После резкого увеличения оброка и барщины в

¹ ГАТО. Ф. 2 Оп. 52. Д. 5. Л. 193 об.

1815—1825 гг. у крестьян не было запасов хлеба, и каждый неурожай приводил к резкому росту цен и к голоду.

В 1811 г. был собран один из самых низких урожаев за первую половину XIX века. После выделения на посев и на продовольствие каждой ревизской душе крестьян, осталось недостаточное количество хлеба для помощи наиболее пострадавшим от неурожая территориям губернии. Губернатор Д.Р. Кошелев приводил в качестве примера положение в Лебедянском уезде — люди от нехватки продовольствия были вынуждены питаться лебедой и желудями¹.

В 1833 и 1848 гг. голод сопровождался холерными эпидемиями, а с наступлением зимы повсеместно распространялась цинга. Причина распространения этих болезней, докладывал воронежский губернатор, «заключается преимущественно в недостатке питательной и привычной пищи ... Болезнетворное влияние это еще более усиливается от недостатка в топливе, которое, в безлесных уездах, состоит большей частью из соломы, употребляемой на корм животным, с раскрытием даже избыточных крыш» [10, с. 108].

«Пограничные уезды» Тамбовской губернии представляли собой неприглядную картину. «На городских и сельских выгонах, — писал И.И. Дубасов, — стали беспрерывно жечь всякий навоз, и дым от этого смрадного курения разносился по всему нашему краю и застилал солнце» [1, с. 611]. Насчет «всего края» историк несколько преувеличивал, как и то, что «взволнованные жители Тамбовской губернии, измученные страхом грядущей повальной смерти, сделались слишком чуткими ко всем грозным холерным вестям» [1, с. 611]. Но там, где холера была близка, население действительно ощущало нервозность. Однако особый страх должны были испытывать жители населенных пунктов, уже затронутых эпидемией. Страх усугублялся бытовыми неудобствами.

Классический пример представляло «заразное» с. Большие Алабухи. После обнаружения там холерных больных на всех трех въездах в село были поставлены караулы. Но количество стражников не удовлетворило борисоглебского исправника И. Осипова, приказавшего «на всех означенных въездах в селение караулы усилить, [установив] на каждом по десяти человек, и из оных на въезде от села Посевкина, где имеется на всем пространстве плетень, поставить сверх пеших пять человек конных с тем, дабы сии во все пространство разъезжали и из сторонних селений никого ни под каким предлогом не пускали, равно и из селения жителей, намеревающихся въехать в другие селения, не выпускать»².

¹ РГИА. Ф.1281. Оп. 11 Д. 141. Л. 2.

² ГАТО. Ф. 2 Оп. 52. Д. 5. Л. 156 об—157.

Расторопный исправник попытался жестко регламентировать и повседневный быт жителей. Он обязал сельского заседателя Спицина «объявить здесь каждому жителю чрез сельское начальство, чтобы утром и вечером, а особенно в ненастное время ходили обутые и тепло одевшись, не имели бы никаких сношений с домами, в коих оказывались больные, запретив есть арбузы и огурцы, кои, как заметно, более способствуют к расположению болезни, иметь каждому в своей избе деготь, курить соль, бросая ее на огонь, составляя дегтярную воду, обмывая руки, и спрыскивать платье простым вином, настоящим камфорою»¹.

Сельская торговля и праздное времяпрепровождение крестьян также были поставлены под жесткий контроль. «Как в сем селении еженедельно во вторник существует базар, — докладывал 8 сентября 1833 года губернскому прокурору И.И. Павловскому тот же Осипов, — то дабы на оном жители не сходились и между ними не произошло сообщений, могущих служить заметным последствием болезни, [базар предписано было] оному [Спицину] запретить». Исправник также предписал «в питейный дом толпами народу сходиться не велеть, а чтобы каждый покупал вино в окно и тотчас бы уходил».

И все же в расчеты губернских властей не входил полный запрет торговли продуктами. Постановлением от 18 сентября 1833 года допускалось «тем из приезжих, которые окажутся здоровыми и никакого сомнения в отношении болезни не имеют, позволять отлучаться из карантина в ближайшее селение той губернии, откуда они приехали, для покупки съестных припасов и фуража; впрочем, не запрещается и жителям того селения, где находится карантин, продавать свои продукты, но не иначе как так, чтобы, привозя или принося оные к цепи, отделяющей их дома от карантинных, продавать оные в виду начальников»².

Конечно, крутые меры, предпринимаемые И. Осиповым и прочими ретивыми исполнителями спускаемых «сверху» инструкций, не могли воодушевлять сельских жителей, и без того подверженных паническим настроениям.

Разнообразие природных условий Тамбовской губернии способствовало формированию разных типов жилищ. В северных лесных Елатомском, Темниковском и Спасском уездах крестьяне строили более высокие избы на подклетах, в которых хранили овощи, продукты, зимой содержали мелкий скот. В лесостепных и степных районах преобладали низкие избы с деревянным и земляным полом, залитым глиной [5, с. 369]. В этих более

¹ ГАТО. Ф. 2 Оп. 52. Д. 5. Л. 158.

² Там же. Л. 193 об.

теплых районах не так страшна была близость к земле. Но постоянно ощущалась нехватка топлива. Поэтому «кубатура» жилья была поменьше.

Первая половина XIX в. принесла некоторые изменения в обстановку крестьянских жилищ. Они коснулись главным образом зажиточных крестьян оброчных сел. В их избах печи топились по-белому, что позволило усовершенствовать конструкцию самой печки. К ней пристраивалась лежанка — место сна старших членов семьи. Верхний свод печи повсеместно делался плоским, что также давало возможность спать или сушить что-то на печке.

Постепенно увеличивались размеры отапливаемого жилья. Крыши вплоть до середины XIX в. были соломенные. Окна из-за дороговизны стекла затягивались бычьими пузырями, иногда тонкой свиной или телячьей сыромятной кожей [6, с. 81, 83, 84].

Корреспондент Русского географического общества в середине XIX в. так описывал крестьянские избы Моршанского уезда: «У крестьянина всю зиму живут с ним в избе: от 10 до 15 ягнят с матерями, две—три свиньи с поросятами, да — три телка, нередко и поздний жеребенок здесь же, здесь же и доятся коровы»¹. Понятно, что такое содержание создавало ненормальную санитарную обстановку, способствовало распространению стихийных эпидемических заболеваний.

С другой стороны, отопление «по-черному» было своего рода дезинфекцией жилых помещений. Такая топка домов с соломенными крышами снижала опасность пожаров. [9, с. 235, 253].

На растопку, для обогрева крестьянский изб шла, как правило, солома. Рубить лес на дрова разрешалось только в неурожайные годы. На лучину шла береза и бесполезный кустарник. Дрова и лучину часто добывали воровством. А вот за строительный лес, который тяжелее украсть, крестьянам приходилось расплачиваться дополнительной работой на барина [7, с. 14, 27, 40, 52].

В то время как неожиданные неурожай и эпидемии, полностью разрушавшие привычный образ жизни крестьян, обрушивались лишь спорадически, бытовая неустроенность и антисанитария были привычными чертами жизни.

Список литературы

1. Дубасов И.И. Очерки из истории Тамбовского края. Тамбов., 2006.

¹ Село Вирятино в прошлом и настоящем. Опыт этнографического изучения русской колхозной деревни. М., 1958. С. 50.

2. Ковальченко И.Д. Крестьяне и крепостное хозяйство Рязанской и тамбовской губерний в первой половине XIX в. М., 1959.
3. Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 2001.
4. Миронов Б. Н. Благополучие населения и революции в имперской России: XVIII — начало XX века. М., 2010.
5. Народное жилище /Тамбовская энциклопедия. Тамбов, 2004.
6. Тьдман Л.В. Изба, дом, дворец. М., 2000.
7. Хок С. Крепостное право и социальный контроль в России: Петровское, село Тамбовской губернии. М., 1993.
8. Хок С. Голод, болезни и структура смертности в приходе Борщевка, Россия 1830—1912 // Социально-демографическая история России XIX—XX вв. Тамбов, 1999.
9. Максимова К.Ф. Крестьянская реформа в Тамбовской губернии: автореф... канд. ист. наук. М., 1951.
10. Шевченко М. М. Помещичьи крестьяне Воронежской губернии накануне и в период падения крепостного права: автореф... канд. ист. наук. Воронеж, 1956.
11. Коньшина Ю. Ю. Имущественное положение крепостных крестьян Тамбовской губернии в первой половине XIX в.: автореф... канд. ист. наук. Тамбов, 2010.